

При подготовке издания использовались иллюстрации из следующих собраний:

- © Р. Герра (Франция), илл., 2023
- © Государственный музей А. С. Пушкина (ГМП), илл., 2023
- © Государственный музей истории русской литературы имени В. И. Даля (ГЛИМ), илл., 2023
- © Государственный мемориальный музей-заповедник Д. И. Менделеева и А. А. Блока, илл., 2023
- © Российский архив литературы и искусства (РГАЛИ), илл., 2023
- © Государственная Третьяковская галерея (Москва), 2023
- © Дагестанский музей изобразительных искусств им. П. С. Гамзатовой (Махачкала), 2023
- © Российская государственная библиотека (РГБ), илл., 2023
- © Российская национальная библиотека (РНБ), илл., 2023
- © Rudolf Steiner Nachlaßverwaltung (Dornach), илл., 2023
- Art Institute of Chicago,
- Galleria degli Uffizi (Флоренция),
- Musée des Beaux-Arts de la Ville de Paris, Musée du Louvre (Париж),
- National Gallery of Art (Вашингтон),
- National Gallery of Victoria (Мельбурн),
- Schloss Charlottenburg (Берлин).

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия 9

**I. Миф об аргонавтах (1900-е): источники
и трансформации** 17

1. «Сквозь Ницше за золотым руном!!»: *о странностях аргонавтического мифа* 18

1.1. Аргонавтический фон: червонцы и прически 18

1.2. «Барана мы не искали...»: кружок «аргонавтов» 24

1.3. «Аргонавты идеала»: Андрей Белый —
Фридрих Ницше — Семен Франк 32

1.4. «Душу вверив кораблю»: «аргонавт» Валерий Брюсов . . . 43

1.5. «Где же ты, золотое руно?»: от Эллиса до Мандельштама 50

1.6. «Старая шляпка, в которой он плыл»: *«аргонавт» Задопатов* 61

2. «Солнечный град» *Андрея Белого:*
с Кампанеллой и без Кампанеллы 76

2.1. «У меня — лозунг свой»: *между Верой Джонстон и Максимом Ковалевским* 76

2.2. «Остров Цитеры» или «Civitas solis»: *между Ватто и Кампанеллой* 83

2.3. «Кампанеллу-то все же оставьте...»: роман «Москва» . . . 94

3. «О, дети Солнца, как они прекрасны!»: *родственные узы* 98

3.1. «Поют о Солнцах дети Солнца»: *Андрей Белый и Константин Бальмонт* 98

3.2. «Чувства солнца к человеку»: *Ф. М. Достоевский и В. В. Розанов* 103

4. «Эксперименты в красках, известные сейчас *под названиями „Симфоний“*»: Андрей Белый *и Джеймс Уистлер (в соавторстве с М. П. Одесским)* 109

II. «Письмо, написанное в сердцах наших»:
Андрей Белый — Рудольф Штейнер — апостол Павел . . . 129

III. «Жесты оккультных угроз»: магия «сглаза» 151

1. «И препоны, и злой подозревающий глаз»: мироощущение 152
2. «Пырять оккультным клыком»: страхи Дорнаха 159
3. «Злое око, Россию ненавидящее»: мироправление 168

IV. «Вырастить в себе цветок нового Слова»: оккультные основы новой теории творчества 175

1. В поисках альтернативы слову 177
2. «Нужен подвиг молчания...»: «Жезл Аарона» и «Котик Летаев» 190
3. О революционном и тенденциозном в альманахе «Скифы»: Андрей Белый и Иванов-Разумник 200

V. Проект «Алконост»: Андрей Белый — Александр Блок — С. М. Алянский 209

1. «Скажите, а почему „Алконост“...»: семантика названия 210
2. Райские птицы: между народной традицией, В. М. Васнецовым и Александром Блоком 222
3. От издательства «Сирин» к издательству «Алконост» 274
4. Издательская марка: Юрий Анненков и вещая птица Гамаюн 287
5. «Кстати, предложите название для этого дневника-журнальчика...»: от «Дневников писателей» к «Запискам мечтателей» 302
6. «Физиономия журнала»: Андрей Белый и Александр Блок 331
7. Обложка «Записок мечтателей»: А. Я. Головин и Андрей Белый — художник 350

VI. «Я был своим собственным кризисом...»: Дорнах — Берлин 377

1. Белый-танцор и Белый-эвритмист 378
2. «Гражданин двух миров»: Михаил Бауэр и русские антропософы 430

Приложение. Андрей Белый. Письмо Михаилу Бауэру (1921)	452
Примечания	469

3. «Вспомним бедного уэльсовского ангела...»: Андрей Белый в очерке М.И. Цветаевой «Пленный дух»	498
---	-----

VII. Андрей Белый в Советской России 515

1. «Каменную болезнь болею... не стыдно мне»: камни и «камушки» в творческой лаборатории писателя	516
--	-----

2. Андрей Белый и П. П. Перцов в философском диалоге 1920-х: «История становления самосознающей души» vs «Пневматология» (в соавторстве с М. П. Одесским)	535
---	-----

Приложение. Андрей Белый. «Намек на вселенную опытных сложностей». Из ответа П. П. Перцову (1928)	579
--	-----

3. «Примирение состоялось?»: о том, как Андрей Белый «ждал», но «не просил» прощения Эмилия Метнера (в соавторстве с Е. В. Наседкиной)	590
--	-----

4. «Мы и в самом деле станем в „разных лагерях“»: о поэтических и политических разногласиях Андрея Белого и Иванова-Разумника	632
---	-----

4.1. «Но — ничего! ничего! молчание!...»: разногласия политические	632
---	-----

4.2. «Ругательное письмо Разумнику» (1932)	646
--	-----

4.3. «„Ослиного“ величия я не желаю иметь»: разногласия эстетические	653
---	-----

**VIII. «И эмбрионы мыслей, и личные отметки»:
дневники в жизни и творчестве Андрея Белого 669**

1. «Громадный критический дневник». 1896–1902	679
---	-----

2. «Интимнейшие „дневники“ эзотерических узваний». 1912–1913	682
---	-----

3. «Дневник мысли». 1914–1918	688
---	-----

4. «Уцелевший кончик „Дневника“». 1919	693
--	-----

5. «Блоковский дневник». 1921	696
---	-----

6. Берлинские дневники: найденные и проданные. 1921–1923.	700
--	-----

7. «Кучинский дневник». 1925–1931	703
8. «Выдержки...» из следственного дела. 1931	719
9. «Кончик дневника». 1931. Дневники 1932–1933	729

IX. Посмертная мифология и реальность в цикле

О. Э. Мандельштама «Памяти Андрея Белого»	739
--	------------

1. «Непонятен-понятен, невнятен...»: «темные места» в стихотворениях на смерть Андрея Белого	740
---	-----

1.1. «Откуда привезли? Кого? Который умер?»: фабула похорон	740
1.2. «Часто пишется казнь, а читается правильно: песнь»: ответ Л. Б. Каменеву	767

2. К вопросу об истории, текстологии и прочтении стихотворного цикла О. Э. Мандельштама «Памяти Андрея Белого»	780
--	-----

2.1. «Запомните, я, еврей...»: О. Э. Мандельштам и П. Н. Зайцев	780
--	-----

2.2. Вечера памяти Белого в ГИХЛ: хлопоты П. Н. Зайцева	787
--	-----

2.3. «Памяти Б. Н. Бугаева (Андрея Белого)»: «гихловский» список	795
---	-----

2.4. «Восьмистишия» как «Воспоминания»: «гихловский» список	803
--	-----

2.5. «Голубые глаза и горячая лобная кость...»: «зайцевский» мемуарный список?	807
---	-----

3. «Каково тебе там — в пустоте...»: аргонавтический миф в стихах О. Э. Мандельштама памяти Андрея Белого	816
---	-----

Приложение. Осип Мандельштам. Из стихотворного цикла «Памяти Андрея Белого» (1934)	822
---	-----

Список иллюстраций	829
------------------------------	-----

Указатель имен (сост. В. В. Введенская)	833
---	-----

Условные сокращения	846
-------------------------------	-----

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В книге рассматривается мифотворчество Андрея Белого, исследуются его автобиографические практики и стратегии, начиная с первого выступления на литературной сцене (начало 1900-х) и заканчивая поздними попытками сохранить при советской власти свою жизнь, лицо, место в литературе. Эта книга в какой-то степени продолжает мою прошлую монографию «Андрей Белый — мистик и советский писатель» (М.: РГГУ, 2006; второе издание — 2020). Вместе они составляют своего рода дилогию.

Меня по-прежнему интересует Белый в его духовных взлетах и мелких слабостях, Белый — маститый писатель и Белый — смешной, часто нелепый человек, Белый-символист и Белый-антропософ, Белый, начинающий литературную карьеру в эпоху Серебряного века, и «поздний» Белый, завершающий жизненный путь в эпоху сталинизма. Он предстает здесь и как лидер московских младосимволистов, радикально изменивший и приспособивший к веянию времени миф о золотом руне, и как мистик, пытающийся внедрить в общественное сознание идеи своего учителя Р. Штейнера; как идеолог группы «Скифы» и издательства «Алконост»; как адепт высокодуховной эвритмии и любитель разнужданного фокстрота.

Анализ творчества, житнетворчества и мифотворчества Белого базируется как на хрестоматийно известных текстах, так и на архивных материалах. Исследуется обширный корпус рисунков Белого. Привлекается широкий исторический и литературный контекст. В поле зрения попадают А. А. Блок, К. Д. Бальмонт, В. Я. Брюсов, Эллис, П. П. Перцов

и многие-многие другие. Предпринимается попытка разобратся в «судьбоносных» конфликтах Белого: ссора с Ивановым-Разумником, разрыв отношений с Э.К. Метнером, бунт против западной антропософии, трагедия разрыва с женой Асей Тургеневой. Особое внимание уделено отражению и мифологизации образа Андрея Белого в сознании современников (М.И. Цветаева, О.Э. Мандельштам и др.).

В первой главе Андрей Белый выступает вождем и главным мифологом кружка «аргонавтов», ставшего в 1900-е настоящей лабораторией для выработки символистского миропонимания, языка, терминологии. Однако древнегреческий миф о путешествии героев-аргонавтов за золотым руном был Белым существенно переосмыслен. «Аргонавты»-символисты восприняли миф о Язоне и его спутниках как солярный миф, их путешествие стало не плаванием, но полетом, а корабль «Арго» трансформировался в крылатый летательный аппарат. В книге выявляются неожиданные источники этого основного жизнетворческого мифа московских символистов. Так, оказывается, что он восходит не к книгам по древнегреческой истории и культуре, а к работам Ф. Ницше. Из Ницше, прежде всего из его «Веселой науки», перешло в лексикон символистов и само слово «аргонавты», и сопряженные с ним термины-символы. Обнаруживается, что образ Солнечного града, лежащий в основе аргонавтической утопии Белого и активно используемый им на протяжении всей жизни, восходит не к трактату Т. Кампанеллы «Civitas solis», а к статье о Кампанелле, написанной другом семьи, известным социологом М.М. Ковалевским и опубликованной в журнале «Вопросы философии и психологии». Также оказывается, что устойчивое выражение «дети Солнца», используемое Белым и Бальмонтом в стихотворных манифестах 1900-х, перешло к ним из «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского и «Семейного вопроса» В.В. Розанова. В главе прослеживается использование мифа об аргонавтах у предшественников, современников и последователей Белого: И.А. Гончарова, И.С. Тургенева, В.Я. Брюсова, С.А. Соколова, А.А. Блока, Эллиса, О.Э. Мандельштама и др.

В трех следующих главах Белый предстает эзотерическим учеником основателя антропософии Рудольфа Штейнера.

Во второй главе рассматриваются взгляды Штейнера на евангельскую историю и их влияние на творчество Белого, особенно ценившего его лекции о Христе и визионерском «Пятом Евангелии». С опорой на христологию Штейнера выявляется эзотерический смысл, который писатель вкладывал в очень им любимое и многократно им цитировавшееся изречение апостола Павла (из Второго послания к коринфянам): «Письмо, написанное в сердцах наших».

В главе «Жесты оккультных угроз...» обнаруживается одна из базовых фобий Белого — боязнь, что его сглазят... Этот страх преследовал писателя на протяжении всей жизни и особенно обострился в Дорнахе, когда он серьезно занимался оккультной практикой и переживал глубокий личностный кризис. Из писем, мемуарной прозы и дневников следует, что к сфере «сглаза» Белый относил и трудности в творческой работе, и осложнения в отношениях с друзьями и возлюбленными. Однако чисто биографический страх «сглаза» писатель инкорпорировал в сложную систему представлений о мире как об арене борьбы оккультных сил зла с силами добра (стихи 1900-х, автобиографическая проза, роман «Москва»). С этой точки зрения он рассматривал судьбу отдельного человека (прежде всего свою), судьбы России, Европы, человечества.

Четвертая глава («Вырастить в себе цветок нового Слова...») посвящена анализу выдвинутой Белым в 1917–1919 годах программы созидания новой культуры. Как известно, после возвращения из Дорнаха в Россию он вступил в литературную группу «Скифы», сформировавшуюся вокруг Иванова-Разумника, и опубликовал ряд произведений, претендующих на роль «скифских» манифестов. Сопоставление его прозы и публицистики того времени с интимными записями периода антропософского ученичества у Штейнера доказывает, что в основе провозглашенной им новой «теории слова» (напоминающей теорию формалистов) лежит личный оккультный опыт. Так, например, источником основного предложения Белого-теоретика о том, что в настоящий

момент «нужен подвиг молчания», оказываются конкретные упражнения, практиковавшиеся антропософами-эзотериками, к числу которых принадлежал и Белый.

Попытки сделать рупором антропософских идей издательство «Алконост», выпустившее в послереволюционные годы большинство книг Блока и Белого, будут анализироваться в следующей, пятой главе. Однако проблематика ее значительно шире.

В связи с названием издательства рассматривается «бытование» райских птиц (Сирин, Алконост, Гамаюн) в народной культуре и в культуре русского модернизма (поэзия и изобразительное искусство). Особое значение придается мифотворчеству В. М. Васнецова, автора знаменитых полотен «Сирин и Алконост», «Гамаюн — птица вещая», прослеживается их влияние на иконографические и характерологические особенности «птицедов» в последующей традиции. В центре внимания — семантика заглавия издательства (почему именно «Алконост?»), символика издательской марки, разработанной Юрием Анненковым, и ее эволюция, история создания журнала «Записки мечтателей». В последнем разделе главы анализируются экзотические эскизы, предложенные Белым для обложки «Записок мечтателей», устанавливается их антропософский и визионерский характер. На первый, поверхностный взгляд, между всем известной обложкой «Записок мечтателей», нарисованной знаменитым художником А. Я. Головиным в стилистике модернизма, и эскизами Андрея Белого мало общего. Однако при внимательном рассмотрении оказывается, что все основные идеи Белого были использованы Головиным при создании своего художественного шедевра. В этой главе пересматривается давно сложившаяся концепция, согласно которой основную роль в «Алконосте» играл Блок. Получается, что не Блок, а Белый выступал в роли основного идеолога как самого издательства, так и выпускавшегося при издательстве журнала.

В шестой главе («Я был своим собственным кризисом...») рассматривается самый тяжелый период жизни писателя — берлинский (1921–1923). Именно тогда от Белого ушла жена Ася Тургенева, и эта личная трагедия определила и его

мировосприятие, и эпатажное поведение, в деталях описанное многочисленными мемуаристами. Прежде всего им запомнился подвыпивший Белый, отчаянно выплясывающий фокстрот и другие модные танцы в берлинских кафе. Танец и эвритмия рассматриваются в книге как проявления, соответственно, плотского и духовного начал. Миф о «танцующем Белом», сложившийся в воспоминаниях потрясенных этим зрелищем очевидцев, сопоставляется с реалиями его берлинского танца.

В этой же главе рассказывается про отношения Белого с Михаилом Бауэром, немецким мистиком, главным эзотерическим учеником Штейнера. Он, как считал Белый, тайно покровительствовал ему и духовно поддерживал и в Дорнахе в 1915–1916 годы, и в Берлине, помогая справиться с кризисом в личной жизни и в отношении к западной антропософии. Публикуется пространное исповедальное письмо Белого Михаилу Бауэру (1922), в котором он с предельной откровенностью рассказывает про трагедию разрыва с женой и выстраивает концепцию «русского пути», осмысленного сквозь призму песенного цикла Ф. Шуберта «Зимнее странствие».

Завершает главу раздел, посвященный очерку Марины Цветаевой «Пленный дух». Именно на период берлинской эмиграции пришлось ее наиболее интенсивное общение с Белым. В центре внимания — сравнение Белого в очерке с персонажем повести Герберта Уэллса «Чудесное посещение». На это произведение английского писателя как на один из основных источников для конструирования образа Белого Цветаева прямо указывала: «Вспомним бедного уэльсовского ангела, который в земном бытовом окружении был просто непристоен!». Однако это указание ранее исследователями игнорировалось.

В главе «Андрей Белый в Советской России» рассматриваются попытки писателя одновременно подстроиться под требования новой идеологии и сохранить верность прежним идеалам. По архивным материалам реконструируются выпавшие из поля зрения исследователей важные сюжеты из жизни Белого — истории его «поздних» взаимоотношений

с близкими друзьями: с Э.К. Метнером (неудавшаяся попытка примирения) и с Ивановым-Разумником (окончательный разрыв отношений). Отношения Белого с издателем, критиком и искусствоведем П.П. Перцовым, также рассматривающиеся в этой главе, вообще ускользнули от внимания исследователей. До последнего времени считалось, что их общение закончилось в 1900-е, однако, как выяснилось, оно возобновилось в середине 1920-х, когда Белый поселился в подмосковном Кучине, а Перцов стал его частым гостем и собеседником. Тогда Белый работал над фундаментальным историософским трактатом «История становления самосознающей души», а Перцов — над «Пневматологией» («Диадологией»), не менее фундаментальным трудом, призванным объяснить основные принципы мироздания. Философский диалог двух символистов, вынужденных в условиях Советской России писать в стол свои итоговые сочинения, позволяет говорить как о творческом взаимовлиянии, так и о новой странице в истории русского символизма. В качестве приложения публикуется фрагмент из пространного послания Белого Перцову, в котором он «на пальцах», для непосвященных разъясняет ту антропософскую терминологию, без которой вообще невозможно понять его позднее творчество (например, физическое, эфирное, астральное тела, душа ощущающая, рассуждающая и самосознающая).

В этой главе также приоткрывается дверь в творческую лабораторию писателя: рассматривается миф об Андрее Белом — фанатичном собирателе коктейльских «камушков», сложившийся в 1924 году и распространяемый многочисленными свидетелями его «несерьезного» увлечения; показывается, как собирание «камушков» Белый превратил из сезонного хобби в творческий метод поздней прозы (роман «Москва»).

В следующей главе прослеживается история и незавидная судьба дневников Андрея Белого. Действительно, подлинных дневников сохранилось мало, большая их часть считается утраченной. При этом у Белого множество упоминаний о том, почему он в разное время обращался к ведению дневников разных типов (дневников интимных и творческих, дневников

«внешней жизни» и жизни внутренней). Собранные воедино, эти сведения показывают, что Белый вел дневники большую часть жизни. Все они лежат в основе его произведений, причем как стилизованных под дневники, так и, на первый взгляд, не имеющих к дневникам прямого отношения.

Последняя глава — «Посмертная мифология и реальность в цикле О.Э. Мандельштама „Памяти Андрея Белого“». В ней предлагается новый взгляд на текстологию стихов Мандельштама (с привлечением неучтенных списков) и доказывається, что состав цикла должен быть расширен за счет тех стихотворений, которые Мандельштам планировал читать на вечерах памяти Белого (сейчас они входят в состав «Восьмистиший», а тогда, в 1934 году, назывались «Воспоминаниями», что следует понимать как навеянные воспоминаниями о Белом). Здесь же дается подробный реальный комментарий, проясняющий — с опорой на «фабулу похорон» и свидетельства мемуаристов — «темные» образы в стихах Мандельштама. Также выявляется актуальный идеологический подтекст цикла: полемика с негативными оценками личности и творчества Белого в статьях-предисловиях Л.Б. Каменева, оскорбивших писателя и возмущивших его друзей.

Завершается книга возвращением к аргонавтическому мифу Андрея Белого, использованному и переосмысленному Мандельштамом в стихах, написанных на его смерть.

Эта монография не появилась бы на свет без помощи моих друзей и коллег, которым я выражаю глубочайшую благодарность за советы, подсказки, ответы на мучившие меня вопросы и вообще за глобальную поддержку моего начинания: В.М. Введенская, А.В. Геворкян, Е.В. Глухова, О.И. Киянская, А.В. Лавров, С.М. Мисочник, Е.В. Наседкина, М.П. Одесский, А.Л. Соболев, Х. Хаслер и многие-многие другие. Я особенно благодарю моих соавторов, разрешивших поместить в этой книге плоды наших общих трудов — Елену Наседкину (раздел об Э.К. Метнере), Михаила Одесского (разделы о Дж. Уистлере и П.П. Перцове), Хенрику Шталь (перевод письма Белого Михаилу Бауэру). Отдельно хотелось бы поблагодарить Рене Герра, позволившего воспроизвести уникальный раскрашенный вариант

марки издательства «Алконост» из своей коллекции, и те организации, которые любезно предоставили для публикации иллюстративный материал из своих собраний: Государственный музей А. С. Пушкина (ГМП), Государственный музей истории русской литературы имени В. И. Даля (ГЛИМ), Государственный мемориальный музей-заповедник Д. И. Менделеева и А. А. Блока, Российский архив литературы и искусства (РГАЛИ), Российскую государственную библиотеку (РГБ), Российскую национальную библиотеку (РНБ), дорнахский архив «Наследие Р. Штейнера» (Rudolf Steiner Nachlaßverwaltung).

Чувство глубочайшей признательности я испытываю к Владимиру Владимировичу Нехотину (1960–2022), моему душевному другу и коллеге, моему постоянному, любимому редактору и помощнику в издательских делах. Это чувство смешано с болью и скорбью. Володя Нехотин, редактор и этого сочинения, умер, когда книга уже версталась, и мне безумно жаль, что он не увидит результат нашего общего труда и вдохновения.

Все сделанные полужирным шрифтом выделения, помимо особо оговоренных случаев, принадлежат автору книги.

Приятного и, надеюсь, полезного прочтения.

Моника Спивак